

1. Феномен языка

К самым распространенным определениям языка относятся:

1. Язык – это система, структура.
2. Язык – средство выражения мысли.
3. Язык – инструмент коммуникации.

Известно, что структурная лингвистика исследовала язык в перспективе его системной организации и структурного строения. Но язык исследовался в рамках структурного направления ***вне человека***, вне связи с говорящим субъектом.

Речь в дихотомии ***язык – речь***, рассматривалась лишь как динамическое состояние языковой системы, но не как речедеятельность. В структурном направлении лингвистики была реализована попытка дегуманизации познания – исследуемый язык был лишен его реальности.

Со временем лингвисты осознали, что язык не является самостоятельным объектом. Язык очеловечен, и это его неотъемлемая составляющая. Он всего лишь одна из сторон другого природного явления, называемого человеком. Здравомыслие не позволяет нам рассматривать часть вне целого, язык вне человека. Такой подход является ущербным.

Все отношения Языка к Человеку (его сознанию, социальной природе) должны быть включены в его характеристику как объекта исследования. Реальность объекта – это он сам и его отношения, но не чистый объект, вырванный из системы отношений.

Язык должен анализироваться, таким образом, даже не на фоне человека, а ***через призму человеческого сознания и межчеловеческих отношений***, т.е.

- как **антропологическое** явление в плане отношений между сознанием и действительностью;
- и как **этнологическое** явление в плане отношений индивидуального сознания к другому индивидуальному сознанию и к коллективному (общему) сознанию.

Этот лозунг, как известно, взяли на вооружение смежные науки о языке – социолингвистика, психолингвистика, прагмалингвистика.

Все было бы хорошо, но возникает вопрос: как же называется в этом случае исследование, нацеленное на связь языка и сознания, речи и мышления? Носит ли оно сугубо лингвистический характер?

Ответ очевиден – это **не собственно лингвистическое** исследование. По большому счету в вышеназванных смежных науках язык не является первичным объектом исследования. Он занял роль слуги на службе у господ, вторгшихся в его собственные владения.

Объектами «окололингвистических» направлений исследования становятся понятия и мыслеформы, выражаемые с помощью языка и речи, социальные отношения и установки, реализуемые посредством языка.

Используя термин Анри Бергсона, можно говорить в таком случае о **«интеллектуальном познании»** [Бергсон, 1999].

Что может предложить провозглашаемая, так называемая объяснительная лингвистика в плане **объекта и метода** лингвистического исследования?

Сам атрибут «объяснительная» уже наводит на размышления. Вряд ли объяснение будет всегда нацелено на вскрытие причинно-следственных связей, подтверждающих наличие языковой закономерности, если это объяснение будет строиться на новаторских, инновационных методах, не имеющих ничего общего с природой исследуемого языкового объекта.

Объяснение, согласно известному американскому философу К.Р. Попперу, это всего лишь «сведение неизвестного к известному» [Поппер, 2002, с. 326]. Иначе говоря, в реляции А = Б, как процедуре уравнивания, это подведение Б под А, ср. Б есть А. Кроме того, согласно тому же ученому, «любое основание ... должно отличаться от объясняемого и не зависеть от него» [Поппер, 2002, с. 328]. А это уже проблема метода анализа в теории вообще.

Практика показала, что часто процедуры объяснения отрываются от языка и уходят в область обозначаемого с помощью языка. Лингвистика подменяется экстралингвистикой.

Когда же экстралингвистический факт выражается с помощью языка, объяснению подвергается его языковое представление – один языковой знак используется для объяснения другого языкового знака, но не в аспекте самого семиотического отношения, что было бы более полезно, ***а в аспекте экстралингвистического содержания*** обозначаемого неязыкового объекта. В сферу объяснительной лингвистики можно было бы включить следующие типы объяснений:

- Объяснение высказывания констатирующего какой-то внелингвистический факт.
- Объяснение высказываний, объясняющих констатирующее высказывание.
- Объяснение отношения между объясняющим и объясняемым высказываниями.

К сожалению, знаковые отношения в лингвистике, например, в семасиологии, изучаются далеко **не лингвистически**. Изучение отношения между языковым знаком и обозначаемым с его помощью мыслительным понятием часто превращается в объяснение не самого знакового отношения, т.е. характера взаимодействия вербальной семантики и мыслительного понятия, а в описание обозначаемого мыслительного понятия («экстралингвистического значения?»), в приписывание содержания мыслительного понятия языковому знаку, и как следствие – в подмену лингвистической категории языкового значения мыслительной категорией понятия.

Такого рода семасиологический анализ покидает пределы лингвистики. Лингвист превращается в **онтолога**. Не зря структуралист-теоретик Л. Ельмслев, критикуя традиционные направления языкознания, говорил, что в принципе все они сводимы к нелингвистическим дисциплинам. Звуковая сторона языка может с таким же успехом изучаться в рамках физиологии. Значимую, семантическую сторону языка можно было бы, по его мнению, изучать в психологии, логике, онтологии [Ельмслев, 1999, с. 132].

Однако не хочется соглашаться с перспективой ***растворения*** лингвистики в смежных науках. Целесообразнее было бы определить ее место среди других наук. Рассмотрим проблему в иной перспективе.

Если принять во внимание, что единица языка является ***двусторонним*** формально-семантическим знаком, то даже простое описание значимой стороны языковой единицы предполагает анализ ***объективированной в знаке ретроспективной мысли***, которая может быть в акте коммуникации и ***репрезентируемой***.

Языковая единица вне речи фиксирует осколки стереотипных понятий. Собирая целое высказывание из отдельных слов, мы оживляем последние, так как соотносим их по принципу тождества (А = А) с мыслительным понятием, или соотносим их по принципу далекого или близкого сходства (А = Б), а также – по принципу контраста (А = -А).

Но оживленное в речи слово уже не является собственно языковым объектом. Это уже речемыслительный знак, т.е. словомысль. Что в этом знаке языковое (А) и что мыслительное (В), а что интегративное(А/В), см. рисунок 2, следует разбираться не узкому лингвисту, а лингвисту-философу, лингвисту-этнологу.

Сектор пересечения А/В представляет собой семантико-понятийное единство, которое позволяет познающему субъекту проникнуть внутрь обозначаемого понятия настолько глубоко, насколько позволяет это сделать семантический потенциал значения, его аппроксимативные признаки.

В рисунке объекты представлены следующим образом:

1 – собственно лингвистический объект;

2 – лингво-философский объект;

3 – лингво-этнологический объект.

Смысл исследования таких объектов – в комплексном анализе. Необходимо определить роль псевдопустоты в секторе (А), а именно, его влияние на восприятие (А/В), а также установить влияние псевдопустого сектора (В) на сектор (А/В) (**интегратему**) и определить степень его интегрированности в секторе (А/В).

Ср.: *сломанный **стол***

Где: А/В – *стол* = «ножка/ножки стола»

В – *стол* = «полировка и окрас, конфигурация составных частей как предмета мебели и др.»;

А – *стол* = «столешница и др. ножки – то, что осталось не сломанным».

Таким образом, когда мы имеем дело с более или менее ***живым языком*** – слышимой устной речью, или с ее аудиозаписью; текстом, производимым письменно или читаемым (воспроизводимым вслух), то следует констатировать, что перед нами уже не лингвистический объект в чистом виде. Перед нами триада: ***язык – языкомысль*** или ***языкосознание – мысль*** или ***сознание*** (в ретроспективе). На какой из компонентов этой триады должно быть нацелено внимание исследователя (кого? – лингвиста, философа, онтолога)?